

Куда идет человечество?*

О тенденциях международных отношений в XXI веке

Евгений Бажанов
Наталья Бажанова

Взлет “желтого дракона”

В этот период стали обозначаться контуры еще одного узла в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Там уже на протяжении 30 лет стремительно накапливает совокупную мощь Китай.

У Поднебесной много козырей:

- колоссальное население;
- присоединение к КНР в 90-х годах “малых азиатских драконов” Гонконга и Макао;

- все более тесная экономическая привязка к материковому Китаю прeusпевающего Тайваня и многочисленной (80 млн. чел.) диаспоры в различных районах земного шара;

– беспрецедентные традиции государственности и лидерства (Китай существует четыре тысячи лет и из них более трех тысяч лет доминировал над окружающими народами).

В КНР проживает свыше 1300 млн. чел., в то время как в России менее 140 млн. чел.

Средние темпы роста китайской экономики составляют 9%.

Доля КНР в мировом ВВП выросла до 16%, и по этому показателю Китай уступает только США.

В обозримой перспективе КНР может превратиться в страну с самой большой в мире экономикой.

БАЖАНОВ Евгений Петрович – проректор Дипломатической академии МИД России по науке и международным связям, Заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор.

БАЖАНОВА Наталья Евгеньевна – доктор экономических наук, профессор.

Ключевые слова: Китай, модернизация, совокупная мощь, центр силы, гегемонизм, конфуцианство, “желтый дракон”, возрождение России, движение к многополюсности, баланс сил, сверхдержавы.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2009. № 6, 7.

Китайцы отстают в военной сфере – их ракетно-ядерный арсенал насчитывает всего лишь около 100 зарядов, но в последние годы Пекин активно наращивает и модернизирует все компоненты оборонного потенциала, в том числе и ядерные силы.

Следует учитывать и то, что на современном этапе, когда в мире нет глобальной конфронтации, роль военной составляющей в совокупной мощи государства менее важна.

Правда и то, что Китай испытывает определенные трудности во внутреннем развитии:

- неэффективный государственный сектор промышленности;
- неравномерность развития различных регионов;
- слабая финансовая система;
- высокий уровень безработицы, социальное расслоение;
- коррупция и т.п.

Тем не менее, в целом Китай продолжает на всех парах двигаться вперед по пути экономического прогресса, сохраняя политическую стабильность.

Важно и то, что у китайцев, после во многом неудачного XX столетия, когда иностранные державы зачастую помыкали Срединной империей, вновь проснулся инстинкт величия. И появилась непоколебимая уверенность в собственных силах. В первой половине 80-х годов китайские политические деятели жаловались, что живут под дамокловым мечом советской угрозы.

Для образности речи говорили даже, что “не спят от страха по ночам, а днем не могут кушать, ибо палочки для еды не слушаются их дрожащих рук”. Сейчас те же политики в частных беседах заявляют, например, что им безразлично, кто является президентом России, ибо “никакой российский политик не посмеет выступить против КНР”.

Один китайский чиновник, разъясняя разницу между регулярной китайской армией и народным ополчением в провинции Чжэцзян, заметил: “Ополчение гораздо слабее, чем регулярные войска, но, разумеется, сильнее российской армии”.

Другой чиновник из провинции Фуцзянь, что напротив о-ва Тайвань, так ответил на вопрос о том, страшно ли было во времена эскалации напряженности в Тайваньском проливе весной 1996 г.: “Страшно было американцам; они послали к берегам Тайваня авианосцы, понимая, что если начнется заваруха, то мы не только мокрого места не оставим от этих кораблей, но пощекочем нервы всей Америке”.

Великодержавные планы не афишируются в Китае на официальном уровне. Напротив, китайские лидеры всячески подчеркивают, что КНР пока всего лишь одно из развивающихся государств, все еще сравнительно слабое и отсталое, и что даже когда Китай станет по-настоящему могущественным и богатым, он не будет стремиться к гегемонии, к контролю над другими народами. Проводится мысль, что КНР готова учиться у стран Азии, Африки и Латинской Америки.

С начала 80-х годов Пекин отказался от союзов с крупными державами, ссылаясь на то, что такая стратегия в прошлом ставила китайцев в подчиненное положение по отношению к партнерам (СССР, позднее США), лишала их самостоятельности, возможностей для маневра, вынуждала следовать чужим интересам, предавая забвению собственные.

Китай неизменно придерживается открытой гибкой линии, позволяющей сотрудничать с различными государствами и блоками государств, оставляя в то же время свои руки свободными.

Президент Казахстана Н.Назарбаев как-то спросил высшего китайского руководи-

теля, каковы у КНР отношения с США. Тот ответил: "ВВП Соединенных Штатов гораздо больше, чем у Китая, поэтому мы будем делать все, чтобы поддерживать с Вашингтоном хорошие отношения".

Вот такой мудрый прагматизм.

Тем не менее, подспудно, на теоретическом уровне в Поднебесной уже прорабатывается тема китайского величия и потенциального лидерства в мире.

В статьях журналистов, и особенно ученых все чаще встречается тезис о том, что великому Китаю уготована сия роль в XXI столетии.

Утверждается, например, что Китай – это та сила, которая помогла "третьему миру" "встать во весь рост и бросить вызов богатым странам", что "в XXI столетии центр тяжести человечества переместится в Азию, где будет возвышаться исполинский Китай".

Проводится мысль о необходимости для Китая участвовать в обсуждении и решении всех животрепещущих проблем современности в ООН, присутствовать на пяти континентах и влиять на события там, во всем и всегда иметь собственное, независимое мнение, обладать наравне с другими великими державами ядерным потенциалом, догнать наиболее развитые государства по основным показателям совокупной мощи.

Что касается Азиатско-Тихоокеанского региона, то здесь доминирующая роль КНР в XXI столетии преподносится как нечто само собой разумеющееся, вытекающее из факторов исторического, географического, демографического, экономического, культурного, военного характера.

Бросается в глаза и эскалация амбициозности сторонников конфуцианства в китайской научной среде. Они все чаще заговаривают о том, что конфуцианские идеи необходимы не только Китаю, но и другим странам, всему че-

ловечеству. Лишь эта древняя идеология способна, мол, спасти человечество от технизации и моральной деградации, от войн и религиозно-этнических конфликтов, научить всех людей и все государства жить по совести, мирно и взаимовыгодно взаимодействовать друг с другом.

Подобные претензии подкрепляются примерами изъятия почтения к конфуцианству со стороны иностранцев, зачастую придуманными самими же китайцами.

Цитируется, например, английский историк Арнольд Тойнби, который якобы когда-то сказал: "Перспективы человечества печальны, если китайская культура не сменит западную в качестве путеводной звезды человечества".

Тойнби приписывается и такое высказывание: "XIX век был веком Англии, XX век – американским, а XXI столетие станет столетием Китая".

Авторство предсказаний ведущей роли конфуцианства в мире присваивается многим другим западным интеллектуалам.

В КНР, например, постоянно ссылаются на некое заявление 74 лауреатов Нобелевской премии, сделанное в 1988 г. в Париже, суть которого сводится к следующему: если человечество хочет жить в XXI в. в мире и процветании, то оно должно обратить свой взгляд в прошлое и искать мудрости у Конфуция.

Утверждается, что ЮНЕСКО официально провозгласило Конфуция одним из десяти величайших деятелей мировой культуры.

К возвеличиванию конфуцианства привлекаются и имена гигантов прошлого – от Л.Толстого до Лейбница. И они, в отличие от обывателей, дескать, понимали, что Китай не больной Азии, а будущий спаситель человечества. Превратно, во славу Китая, толкуются даже высказывания Гегеля, ко-

торый на самом деле весьма скептически отзывался о достижениях китайской культуры.

А вот современникам, которые хоть как-то ставят под сомнение совершенство и перспективность цивилизационных установок Поднебесной, китайские ученые дают отпор.

Ожесточенно критикуется, например, С.Хантингтон за его теорию грядущего столкновения цивилизаций.

Ученый осуждается за то, что не осознал потенциала конфуцианства, его способности адаптироваться к требованиям глобализации, сформировать этику восточноазиатской постиндустриальной эпохи и внедрить идеалы “золотой середины” и гармонии в междисциплинарные и межгосударственные отношения.

Предлагая конфуцианство в качестве идеологической основы развития человечества в XXI в., китайские обществоведы отмечают его толерантность, синкретическую направленность, терпимость к плюрализму, высокие и проверенные временем этические установки.

Китайские коллеги, убеждая нас в своей правоте, восклицают: ведь никто больше в мире не смог создать концепцию цивилизационной гармонии и реализовать ее на практике! Только китайцы, опираясь на Конфуция, это сделали!

Возрастание мощи и амбиций Китая порождают в окружающем мире

опасения, страхи и, как следствие, разговоры о необходимости сдерживания “желтого дракона”.

И эти настроения можно уловить на уровне Дипакадемии в ходе контактов с иностранными представителями.

Как-то мне нанесли визит вьетнамские дипломаты.

Они похвалили японцев за должное внимание к военно-морским приготовлениям КНР и одновременно упрекнули Россию за недооценку важности данной проблемы. Заодно дипломаты просветили меня в том, что в древности все земли к югу от реки Янцзы (протекающей по центру КНР) принадлежали Вьетнаму и что Великую китайскую стену построили в III столетии до н.э. вьетнамские архитекторы.

Японцы, которые еще недавно били тревогу по поводу чрезмерной активности России на Дальнем Востоке, ныне сетуют, что мы там слишком пассивны. Когда интересуешься, что от нас требуется, слышишь призывы согласовывать усилия по сдерживанию “Срединной империи”.

Американские ученые регулярно журят нас за близорукость в отношении взлета китайской мощи.

Южнокорейцы, которые до недавнего времени в основном нахваливали Китай за его реформы и успехи, тоже заговорили о потенциальной китайской угрозе.

Эта тема муссируется в Индонезии, Малайзии, Таиланде, других странах АТР.

Российский и другие полюсы

В последние годы узел напряженности стал затягиваться и вокруг России.

На первых порах после распада СССР Россия была слаба, и к ней относились на Западе благодушно: хвалили и жалели, “гладили по головке”, обещали помощь и иногда предоставляли ее.

Но российское государство и россияне не собирались мириться с ролью

второразрядных субъектов международной жизни. В принципе то, что Запад желал россиянам, мы желали сами себе – создать в нашей стране здоровую демократию и процветающую рыночную экономику. Так что речь не шла, как в прошлом, в коммунистические времена, о навязывании нам из-за кордона чуждой идеологии.

Проблема состояла в другом: Россия, заимствуя западную модель разви-

тия, не хотела при этом превращаться в младшего партнера Вашингтона, войти в зону его влияния.

Но способно ли было российское государство вернуть себе “сверхдержавный статус”?

Ведь по своей совокупной мощи оно спускалось все ниже. Тем не менее, основания для оптимизма все же остались.

Россия не впервые в своей истории попала тогда в сложное положение.

Достаточно вспомнить период большевистской революции и последовавшей затем Гражданской войны.

Мы сетовали в 90-х годах, что наше государство ослабло. Но в 1918–1920 гг. вообще не было единого российского государства. Империя Романовых распалась на противостоявшие друг другу лагеря, большевики засели в Петрограде, Деникин окопался на юге, Колчак хозяйничал в Сибири и т.д.

Нам было печально, что Россия переживает полосу жесткого социально-экономического кризиса. Но в революционную эпоху экономики просто не существовало, не говоря уже о каких-то социальных благах. Люди не работали, а убивали друг друга.

Еще одним фактом современной жизни являлось снижение веса и роли Москвы в международных отношениях.

Но было ведь гораздо хуже.

После 1917 г. Россию просто перестали считать субъектом международного права, и по ее территории бродили армии оккупантов: англичан, французов, немцев, японцев, американцев и прочих, многие из которых ставили перед собой четкую цель аннексировать ту или иную часть рухнувшей империи.

И, несмотря на такие перипетии судьбы, Россия быстро встала на ноги и уже через каких-то три десятка лет превратилась в сверхдержаву, которая в тандеме с США доминировала в мире.

Растеряла ли современная Россия те “козыри”, которые позволили СССР набрать мощь и стать лидером?

Нет, не растеряла, таких “козырей” стало даже больше.

У России огромная территория и расположена она в “сердцевине” самой важной части мировой цивилизации, Евразии, охватывающей Европу и Азию.

Россия располагает уникальной кладовой природных ресурсов. Причем эти ресурсы сосредоточены в Сибири и на Дальнем Востоке, в непосредственной близости к рынкам сбыта, которые особенно в них нуждаются (Китай, Япония, Корея, страны АСЕАН).

Следующий “козырь” России – это ее интеллектуальный потенциал, которого у СССР в 20-х годах не было. Наша наука, несмотря на переживаемые трудности, была способна сохранить лидирующие позиции.

Важнейшее значение имеет российский военное могущество.

Большевики воссоздавали державу в условиях постоянной и нарастающей угрозы извне, которая, в конце концов, реализовалась в виде тотальной агрессии, массового уничтожения наших граждан, разрушения экономического потенциала страны.

Ныне же и в обозримой перспективе ни одна крупная внешняя сила не в состоянии угрожать существованию российского государства, ибо оно обладает мощнейшим ракетно-ядерным “кулаком”. Да никто из современных держав и не демонстрировал намерения на нас нападать, напротив, России даже помогли выйти из кризиса.

Заслуживало внимания и следующее обстоятельство. Большевистское правительство выбрало далеко не самую эффективную из известных стратегий развития, она-то, в конечном счете, и привела страну в тупик.

Новая стратегия, нацеленная на построение рыночной, открытой экономики, выглядела гораздо перспективнее.

Другое дело, что в 90-х годах не удавалось создать работающую рыночную модель, но ведь рано или поздно должно было получиться. Получилось же у Западной Европы, Японии, Южной Кореи, Тайваня, получалось у КНР и многих других государств.

Примечательно также то, что ни распад СССР, ни экономический упадок, ни социальные невзгоды, ни межэтнические противоречия, ни потеря союзников не изменили психологии россиян – они в своем большинстве страстно желали, чтобы Россия возродилась в качестве великой державы. Подобного настроения не было, пожалуй, больше нигде. Даже в США тема американского величия не волновала столь широкие массы людей.

Великодержавные тенденции стимулировались тем, что Индия, Ливия, Куба и десятки других стран проявляли заинтересованность в активности российской дипломатии.

Что особенно впечатляло Кремль, так это позиция тех режимов, которые не питали к СССР добрых чувств.

Израиль, Саудовская Аравия, Оман, Аргентина, Малайзия и другие подчеркивали важность России как противовеса слишком возросшему влиянию

США, как посредника в урегулировании региональных конфликтов.

В возрождении величия Москвы существовала, очевидно, и объективная потребность – без ее стабилизирующей роли бескрайние просторы постсоветского пространства в долгосрочной перспективе были обречены на хаос и отсталость. Из-за экономической взаимозависимости, перемешанности населения, культурных традиций, потребностей обеспечения безопасности независимые республики тянулись к России, как Франция или Мексика тяготели к США (сколь бы французы или мексиканцы ни поносили американцев за всевозможные прегрешения).

И Россия, как известно, сумела в первом десятилетии XXI столетия встать на ноги, набрала экономический и геополитический вес.

По мере усиления российского государства, демонстрации им стремления к восстановлению сферы своего влияния на постсоветском пространстве и в мире в целом некоторые наши соседи и государства Запада озаботились идеей противодействия планам (реальным и мнимым) Москвы.

Кроме США, Китая и России появились и другие претенденты на роль самостоятельных полюсов в мировой политике: Индия, объединенная Европа, в более дальней перспективе АСЕАН, Япония, Иран, Турция.

Движение к многополярности

Таким образом, мир в очередной раз двинулся к многополярности. С одной стороны, этот процесс естественен, ибо отражает волю реальных и потенциальных центров силы. Вместе с тем, переходный период таил в себе немало опасностей. Его суть – в быстром изменении баланса сил, а это, согласно закономерностям политологии, всегда грозит вызвать дестабилизацию и даже конфликты.

Вспомним в этой связи о выводах древнегреческого ученого Фукидида (471–400 гг. до н.э.).

Во время 28-летней войны между демократическими Афинами и тоталитарной Спартой Фукидид был произведен в генералы афинской армии, но не проявил себя как военачальник. Его разжаловали и отправили в ссылку на 20 лет. Оказавшись не у дел, Фукидид решил заполнить свое существование

изучением мотивов и причин продолжавшейся войны.

В итоге Фукидид написал много томный труд “История Пелопонесской войны”, который, на первый взгляд, кажется историческим, но, по сути, является первым в мире и при этом выдающимся политологическим анализом, базовой работой по теории международных отношений.

“История Пелопонесской войны” представляет собой исследование закономерностей борьбы за военное и политическое лидерство. Фукидид изучал исторический материал с тем, чтобы он послужил путеводителем для будущих поколений политиков, стратегов, ученых.

Рассматривая глубинные причины затяжного конфликта в Древней Греции, Фукидид пришел к выводу, что они заключались не в разных политико-идеологических системах Афин и Спарты, не во взаимных обидах, не в ошибках лидеров, хотя все эти факторы тоже способствовали развязыванию войны.

По словам Фукидида, “что сделало войну неизбежной, так это рост афинского могущества и страх, который породил данный процесс в Спарте”¹.

Таким образом, фундаментальной причиной войны был страх, связанный с изменением баланса сил.

Спарта испугалась, что теряет доминирующие позиции в эллинистическом мире, и предприняла контрмеры, чтобы увеличить свою военную мощь и заручиться поддержкой союзников.

Афины ответили той же монетой – принялись укреплять собственные военно-политические позиции.

Итог был до боли знакомый по всем последующим событиям всемирной истории: гонка вооружений, взаимное сдерживание, военные альянсы, дипломатические ходы, стратегические построения, забота о чести и имидже

государства, анализ сильных и слабых сторон противника и неумная жажда установления выгодного для себя баланса сил. А в конце концов – война, растянувшаяся более чем на четверть века.

Такое раз за разом, повторялось в человеческой истории.

Как только власти одного государства начинали испытывать страх, что баланс сил меняется в пользу традиционного соперника, они тут же бросались исправлять положение, чем немедленно порождали подозрения и страхи в противоположном стане.

В работе Фукидида Афины и Спарта можно легко заменить Англией и Францией в XVII и XVIII столетиях, Наполеоном и остальной Европой в начале XIX в., Германией и Великобританией после франко-прусской войны 1870–1871 гг., Советским Союзом и Соединенными Штатами в 50-х – 80-х годах XX столетия.

Во всех перечисленных случаях страх перед меняющимся балансом сил был главным фактором, провоцировавшим гонку вооружений и конфронтацию.

Страх при этом рассматривается не как выражение человеческой природы, а как категория в сфере международных отношений. В мире, где нет центральной власти, верховного арбитра, писал Фукидид, “сильный делает то, что в состоянии делать, а слабый соглашается с тем, с чем вынужден соглашаться”¹.

В современном мире теория баланса сил не потеряла актуальности.

В результате распада Советского Союза и затяжного кризиса в постсоветской России в Восточной Европе образовался вакуум, который США начали заполнять. Цель Соединенных Штатов была та, которая и должна появиться в данной ситуации в соответствии с закономерностями политологии, – расширение сильным собствен-

ной сферы влияния настолько, насколько позволяют обстоятельства. Соединенным Штатам безопаснее, удобнее и выгоднее, чтобы Польша, Венгрия, Чехия и другие восточноевропейцы тесно сотрудничали с ними и входили в союзы и организации, подконтрольные Вашингтону.

Политика расширения НАТО – продукт такой логики.

Но у России совсем иная логика, что тоже вполне естественно.

Москва полагала, что после окончания холодной войны мир останется биполярным. Изменится лишь то, что два лидера, Россия и США, перестанут беспрерывно конфронтировать между собой и начнут дружно руководить человечеством. И вот, выясняется, что Вашингтон не желает соблюдать привычный баланс, он вторгается в традиционную сферу влияния России и превращает ее в свою собственную вотчину.

У россиян вначале возникло ощущение, что их обманул и предал заокеанский стратегический партнер. Постепенно нарастали опасения, что Россию хотят лишить статуса великой державы, спустить ее до уровня второразрядного государства, изолировать от остальной Европы, оказывать на нее давление.

Для предотвращения неблагоприятных геополитических сдвигов Россия принимает контрмеры. Она притормаживает полное энтузиазма сотрудничество с Западом и провозглашает новую сбалансированную внешнеполитическую линию.

Суть этой линии заключается в следующем: у России нет врагов, она может и должна сотрудничать с большинством стран, особенно с соседними; но Москве не следует “склоняться” в ту или иную сторону в силу своего географического положения, размера, мощи,

истории Россия должна поддерживать сбалансированные отношения с Западом, Востоком и Югом.

В Кремле стали подчеркивать, что “надо проводить диверсифицированную, активную политику по всем азимутам, где затрагиваются интересы России, – это просто жизненная необходимость для того, чтобы создать наилучшие условия для внутреннего развития – более динамичного, более эффективного в нашем изменяющемся мире”².

В рамках обновленной стратегии Москва пошла на восстановление связей с бывшими друзьями и союзниками СССР в “третьем мире”, начиная с Индии и Вьетнама и кончая Ираком и Ливией. Стала искать геополитическое взаимопонимание со странами, отвергающими американский диктат, – Китаем, Ираком. Наряду с этим Россия провозгласила СНГ зоной своего преобладающего влияния и энергично взялась за всестороннее, в том числе военное, интегрирование постсоветского пространства под своим руководством.

И тогда уже наступила очередь американцев испытывать опасения и предпринимать контрмеры. Ведь они не имели в виду изолировать Россию и оказывать на нее давление. Они лишь хотели заманить бывшего противника в холодной войне в “стержневую” зону, то есть свой лагерь. И Москва вроде бы двигалась в правильном направлении, но затем, вдруг, остановилась на полпути, и, более того, зачем-то принялась восстанавливать собственную зону влияния. Тем самым, Россия стала возводить помехи на пути вхождения в “стержневой” лагерь других бывших советских республик. А их Вашингтон тоже желал видеть в своем лагере, особенно большую Украину, богатые нефтью прикаспийские государства.

Соединенные Штаты активизировали внедрение в постсоветское про-

странство, все интенсивнее “работали” с членами СНГ, стремясь нейтрализовать интеграционные процессы внутри этой организации, охладить интерес новых независимых государств к союзу с Москвой, подтолкнуть их в сторону западных союзов и организаций. Вашингтон не упускал из поля зрения и Россию, полагая, что если это удастся, тогда и ей ничего, мол, не останется, как присоединиться к “стержневому” лагерю.

Для россиян же вывод из всего происходящего был однозначен – от нас отрывают земли, лишают друзей, ресурсов, окружают, чтобы в случае необходимости начать окончательное “удушение” России. В результате Москва потеряла всякое доверие к Вашингтону, все чаще недвусмысленно противостояла ему как на постсоветском пространстве, так и вне его.

Америка, полагаящая себя бесспорным и признанным лидером свободного мира, взяла на себя функции блюстителя порядка, приводящего в чувства “злостных нарушителей закона” (Ирак, Иран, Югославия и т.п.). Вашингтон был уверен, что защищает интересы союзников, друзей, всего человечества, ибо, например, обладание Саддамом Хусейном ядерным оружием рассматривалось в США как глобальная угроза. А противодействие Белграда сепаратистам в Косово как подрыв устоев “стержневого” лагеря в Европе.

Россия же видела в действиях Соединенных Штатов не что иное, как попытку единолично командовать миром. Сегодня американцы преподают уроки Ираку и Югославии, а завтра им вздумается наказать Москву за то или иное проявление “непослушания”.

И вновь в России возникали реальные опасения, спровоцированные нарушением прежнего баланса сил, при ко-

тором США не позволяли себе подобных вольностей.

Негативная реакция Кремля на силовые акции в отношении Ирака и Югославии порождала встречные опасения США, что Россия возвращается на конфронтационные позиции, что она не только не является американским стратегическим партнером, но и противодействует защите интересов “стержневого” лагеря.

Такие действия России вкупе с неясными перспективами эволюции российского общества, ростом националистических настроений в нашей стране, вызвали в Вашингтоне нарастающее беспокойство по поводу того, что Россия может погрузиться в хаос и тем самым создать угрозу безопасности потенциальным “стержневым” государствам. Или же в Москве к власти прорвутся агрессивно-националистические круги, которые бросят вызов самому суверенитету кандидатов на “стержневой” статус со всеми их нефтяными и прочими богатствами.

Опасения заставляли США интенсифицировать противодействие России.

Россия реагировала аналогичным образом.

В результате возникал типичный заколдованный круг, когда каждой стороне кажется, что она лишь отвечает на опасные действия другой, и остановить процесс взаимного сдерживания становится все сложнее.

На Востоке тоже менялся баланс сил, но уже не в пользу США.

Там американцы с тоской взирали на подъем китайского гиганта. Проводящий самостоятельную внешнюю политику, да к тому же отказывающийся демократизироваться Китай оказывал все большее экономическое и политическое влияние на соседние азиатские

государства. Главные американские союзники на Дальнем Востоке Япония и Южная Корея уже имеют большой товарооборот с КНР, чем с США.

А тайский дипломат недавно заметил в беседе со мной: "Наш премьер раньше начинал день с чтения газеты "Нью-Йорк таймс", теперь вначале ему докладывают содержание газеты "Жэньминь жибао".

Пекин жестко отстаивал свои позиции по Тайваню, нефтеносным районам в Южно-Китайском море, военным приготовлениям Японии и другим проблемам. Одновременно КНР модернизировала вооруженные силы, получая передовую военную технику из России, осуществляла экспорт ракетного оружия в страны-"изгои" типа Ирана, Ливии и т.п.

Вашингтон рассматривал действия КНР как вызов военно-политической и экономической гегемонии "стержневого" лагеря в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как следствие, политика США в отношении Китая включала в себя элементы сдерживания и давления.

Пекин реагировал опять же согласно канонам классической политологии.

В КНР росли раздражение, подозрительность, страх и делался вывод: Америка лезет из кожи вон, чтобы не допустить усиления Китая. Именно под этим углом зрения стали оцениваться такие действия Вашингтона, как поддержка Тайбэя и продажа ему вооружений; ограничения на экспорт китайских товаров на американский ры-

нок; противодействие поставкам китайского оружия за рубеж.

Особое недовольство вызывали у китайских властей попытки американцев вмешиваться во внутренние дела КНР. В Пекине полагали, что за сепаратистами в Тибете и Синьцзяне стояли не только голливудские актеры, но и американские спецслужбы, официальный Вашингтон.

Китайские дипломаты и политологи отмечали, что действия США направлены на развал КНР. Сначала, мол, американцы способствовали распаду СССР, теперь вознамерились расчленить Китай. Нападки Соединенных Штатов на Пекин в связи с нарушением прав человека, притеснением антиправительственных религиозных организаций (типа "Фалуньгун") расценивались как направленные на подрыв социалистического строя в КНР.

На юго-западном фланге аналогичное соперничество разворачивалось между КНР и Индией, подпитываемое появлением у Дели ядерного оружия. Элемент страха вновь мог омрачить российско-китайские отношения. Если бы Китай продолжал усиливаться, а мы ослабевать, то, в конце концов, любые действия КНР на международной арене и в адрес непосредственно России стали бы порождать в Кремле беспокойство – начиная с эмиграции больших количеств китайцев в пустынные регионы Сибири и Дальнего Востока и кончая укреплением позиций КНР в Центральной Азии.

Предположим теперь, что, в конечном счете, в XXI в. на международной арене сложится новый баланс сил, мир станет многополярным.

Будет ли международная система автоматически стабильной? Гарантий на сей счет нет, ибо мы не знаем, как поведут себя новые сверхдержавы.

Соединенные Штаты не идеальная сверхдержава, но хорошо изученная и предсказуемая. Из истории мы знаем, что Вашингтон, обладая монополией на ядерное оружие на первоначальной стадии холодной войны, не реализовал ее. На протяжении всей послевоенной истории США не пытались завоевать другие страны, а когда все же вмешивались в чужие дела, то под знаменем демократии. Конечно, тео-

рия не всегда совпадала с практикой – достаточно вспомнить вьетнамскую интервенцию Вашингтона 60-х – 70-х годов. Вместе с тем, Соединенные Штаты помогли вытасщить из экономического и социального упадка Западную Европу, некоторые азиатские государства.

А вот что можно ожидать от Японии в роли полновесного центра силы?

В прошлом, когда эта страна набрала военную и политическую мощь, то немедленно выплеснула ее на соседей в форме агрессии и геноцида. А как будет в следующий раз?

Следует, наверное, учитывать и то обстоятельство, что еще один кандидат в сверхдержавы – Китай в прошлые века, будучи на вершине могущества, не только рассматривал иностранные государства в качестве “варварских”, но и полагал их “вассалами” Срединной империи, то есть де-юре неравными, подчиненными Китаю. Даже когда ведущие западные державы уже начали вгрызаться в слабеющую Срединную империю, ее правители продолжали игнорировать реалии и поплевывать на “белых варваров”.

Характерный пример.

В архивах сохранилось послание императора Цянь Луна (1736–1795 гг.) английскому королю Георгу III, в котором, в частности, есть такие слова: “...Наша Поднебесная империя обладает всеми вещами в огромном изобилии, и не существует такого продукта, которого нельзя было бы найти в ее пределах. Поэтому нет никакой необходимости импортировать промышленные изделия внешних варваров в обмен на нашу продукцию.

Но поскольку чай, шелк и фарфор, которые производятся в Поднебесной, абсолютно необходимы европейским странам и вам, то мы разрешили, в знак особого расположения, чтобы иностранные компании были учреждены в Кантоне.

Таким образом... ваша страна воспользуется нашей добротой. Но ваш посол высказывает теперь новые просьбы, которые не учитывают принцип трона... осуществлять умиротворение варваров всего мира”³.

Далее в послании объясняется, что намерение Лондона учредить постоянное посольство в Пекине – это-де невероятная наглость. Таких, мол, “малых варваров”, как англичане, на свете пруд пруди, и если “всякая козявка”, поддавшись дурному примеру, возжелает иметь посла в Поднебесной, то во что империя превратится?

Богдыхан, однако, вновь подчеркнул свое особое расположение к “варварскому” королю Георгу III и выразил все-таки согласие на аккредитацию английского диппредставителя в Пекине при условии, что тот переоденется в китайские одежды, перейдет на местную пищу, выучит китайский язык, забудет родную речь, а главное – прекратит какие-либо контакты с Лондоном.

Среди западных предпринимателей в конце XIX в. ходил анекдот о том, что китайские власти долго отвергали предложение о прокладке железной дороги. При этом давали такое объяснение: под землей живет дракон, железнодорожные составы его растревожат, и он сотворит неимоверные беды.

Согласно другому анекдоту, китайцы не давали разрешения на движение пароходов по Янцзы, ссылаясь на то, что по берегам реки обитают обезьяны, которые будут забрасывать невиданные механические чудища камнями. Пострадают иностранные пассажиры и разразится нежелательный международный скандал.

Согласно другому анекдоту, китайцы не давали разрешения на движение пароходов по Янцзы, ссылаясь на то, что по берегам реки обитают обезьяны, которые будут забрасывать невиданные механические чудища камнями. Пострадают иностранные пассажиры и разразится нежелательный международный скандал.

Эти истории вполне могут быть правдивыми, и тогда они в очередной раз свидетельствуют не о невежестве китайцев, а об их пренебрежении к западной цивилизации. Чиновники Срединной империи в завуалированной форме издевались над “белыми варварами”.

Когда в середине XIX в. дело дошло до вооруженной агрессии англичан с юга, богдыхан квалифицировал вторжение как “бунт” и ввел должность военачальника, ответственного за “умиротворение белых варваров”.

Сказанное выше отнюдь не является апологетикой однополюсного мира (“*Rax Americana*”) или попыткой возбудить недоверие к Японии, Китаю или любой другой потенциальной сверхдержаве. Мы лишь хотели обратить внимание на то, что логично и привлекательно звучащий призыв к многополюсности мира на практике очень непросто реализовать на пользу, а не во вред международным отношениям.

Примечания

- ¹ *Thucydides*. History of the Peloponnesian War. Trans. Rex Wanner. New York: Penguin Books, 1982. P. 49, 402.
- ² *Примаков Е.* Россия ищет новое место в мире // Известия. 1996. 6 марта.
- ³ Цит. по: *Бажанов Е., Бажанова Н.* Китай: каким быть социализму? // Глобус. 1989. № 1. С. 84.